Е. Ю. Борисенок
(Москва)

Языковая политика УССР в условиях коренизации

В статье рассматривается языковой аспект политики коренизации в УССР, основные направления и особенности реализации в 1920–1930-е гг.
Ключевые слова: *УССР*, *национальная политика*, *коренизация*, *язык*.

Советская языковая политика является актуальной исследовательской проблемой в современной гуманитарной науке, которой посвящены многие работы отечественных и зарубежных специалистов различного профиля. Особого внимания заслуживает опыт Украинской ССР: именно там проявились все достоинства и трудности советского национального языкового строительства. Как справедливо отметил Т. Мартин, «на протяжении всего сталинского периода центральное место в эволюции советской национальной политики принадлежало Украине»[1].

Языковая политика в качестве проводника большевистских идей и средства воздействия на многоэтничный социум являлась важнейшей частью советского национального проекта. Фактически большевистское руководство предпринимало меры к утверждению национального характера той или иной территории путем специальной политики – коренизации, существенной составляющей которой было развитие национальной культуры народов СССР. Протекционистские меры большевистского руководства предусматривали изменение статуса национального языка и культуры путем создания условий для их развития и внедрения в ранее недоступные сферы (в общественно-политическую жизнь, образование и науку, массовую коммуникацию и др.). При этом политика коренизации не только распространялась на «титульную» нацию той или иной республики, но и предусматривала меры по развитию культуры национальных мень-

---

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 16-01-00395а «Исторический опыт национальной и культурной политики Российской империи и Советского Союза в отношении Украины и ее населения»).

шинств, причем осуществление прав национальных меньшинств велось в рамках создания особых национальных территориальных административных образований. Поддержка развития разных этносов и языков дополнялась сложной системой доминирования того или иного языка на определенном административном пространстве (национального сельсовета, района, республики, страны в целом).

Поэтому в языковом строительстве на территории Советской Украины можно выделить два больших направления: это политика в отношении украинского языка (т. е. языка «титульной» нации республики) и политика в отношении языка национальных меньшинств. При этом в украинской литературе обычно выделяют период коренизации 1920-х гг. как время развития национально-культурного строительства, и период свертывания коренизации в 1930-е гг. Так, И. С. Миронова считает, что для периода 1921–1924 гг. было характерно преодоление русификации, процесс украинизации и открытие национальных образовательных заведений; в 1924 – начале 1930-х гг. происходило развитие образовательных учреждений на родном языке; наконец, в 1933–1938 гг. осуществлялось свертывание и уничтожение национально-культурного строительства[2]. При этом, если в отношении украинского языка мнение украинских исследователей более или менее сложилось (обычно положительно оценивается политика 1920-х гг. и негативно – 1930-е гг. как период языковой и культурной ассимиляции, или русификации), то советская политика в отношении национальных меньшинств вызывает множество вопросов. Так, исследователи пытаются определить, например, насколько политика внедрения родного языка в учебные заведения национальных меньшинств была полезной для них самих и насколько качественным было такое образование[3].

Таким образом, возникает вопрос о сочетаемости коренизации и интеграционной стратегии государства. Языковая политика периода коренизации являлась производной советского государственного устройства – провозглашения равноправия этносов в советской федерации, с одной стороны, и необходимости межэтнической коммуникации в полиэтнической социокультурной среде в рамках единого государственного пространства, с другой. На выбор этнополитической стратегии для СССР как многонационального государства влияло и стремление советского руководства к централизованному управлению многонациональным сообществом. Поэтому в различные периоды коренизации языковая политика обладала существенными особенностями в зависимости от того, на-

сколько в советской стране набирали оборот процессы унификации и централизации.

В 1920-е гг. языковая политика в СССР проходила под лозунгом развития всех народов и языков. Как замечает В. М. Алпатов, «после революции в стране в противовес царской национально-языковой политике, в основном сводившейся к русификации, был взят курс на развитие всех наций и всех их языков, включая самые малые. Считалось, что каждый гражданин страны должен на своем родном языке овладеть вершинами мировой культуры, литературы, науки»[4]. Действительно, лозунг самоопределения наций вплоть до отделения и образования самостоятельного государства требовал от большевиков конкретных мер по его реализации. Большевистское руководство стремилось продемонстрировать свое внимание к национальному вопросу путем создания образцовых советских республик, которые привлекали бы симпатии пролетарских масс населения за рубежом. Коренизация отвечала геополитическим интересам советского руководства, что особенно ярко проявилось на украинском примере. Проводимая коренизация / украинизация являлась своеобразным ответом на активную восточную политику II Речи Посполитой, направленную на признание юридических прав на Восточную Галицию. Одновременно подобный курс давал возможность перехватить инициативу у лидеров украинского национального движения, которые после развала Российской империи и Австро-Венгрии предприняли попытку создания украинского национального государства – Украинской Народной Республики и Западно-Украинской Народной Республики.

После провозглашения Украинской ССР большевистское руководство столкнулось с необходимостью определить принципы функционирования языков в республике, дабы преодолеть «наследие ассимиляционной политики царского режима». В официальных документах подчеркивалось равноправие украинского и русского языков, т. е., как подчеркивали большевики, русский язык был лишь одним из языков, получивших распространение на Украине. 10 марта 1919 г. Наркомпрос УССР постановил, что «должны быть обеспечены интересы всех национальных групп Украины». В то же время явное предпочтение отдавалось украинскому языку, подчеркивалась необходимость «активно работать [в] сторону развития укр[аинского] языка и укр[аинской] культуры»[5]. В том же духе были выдержаны и последующие постановления и резолюции, в которых шла речь о необходимости «содействовать устранению всех препятствий к

свободному развитию украинского языка и культуры», «всячески противодействуя попыткам искусственными средствами оттеснить украинский язык на второй план[6], о недопустимости создания преимуществ «великорусскому языку» и о введении украинского языка в школах и советских учреждениях[7].

Однако первоначально воплощение в жизнь принципов советской языковой политики проходило медленно: соответствующие законодательные акты были приняты, но темпы их выполнения были невысокими. Украинские власти в этот период отнюдь не стремились к радикальным изменениям в этой области, полагаясь на «естественный ход событий». С одной стороны, катастрофически не хватало большевистских кадров, знающих украинский язык, остро ощущалась нехватка украиноязычных преподавателей в совпартшколах. С другой стороны, после гражданской войны и интервенции украинский язык для многих большевиков на Украине нередко ассоциировался с М. С. Грушевским, П. П. Скоропадским и другими «буржуазными деятелями». К тому же в восприятии большевиков украинская культура была культурой крестьянской, а следовательно, более отсталой по сравнению с русской пролетарской культурой. В этом плане появление «теории борьбы двух культур» Д. З. Лебедя было не случайно. В марте 1923 г. в «Коммунисте» появилась его статья, посвященная проблеме развития украинского языка и культуры. «У нас, на Украине, в силу исторических обстоятельств, культура города – это русская культура, культура деревни – украинская»[8], – считал Лебедь. Автор статьи подчеркивал: «…искусственное насаждение украинского языка в партии и рабочем классе, при нынешнем политическом, экономическом и культурном соотношении между городом и деревней, – это значит стать на точку зрения низшей культуры деревни, по сравнению с высшей культурой города»[9].

Положение стало меняться после официального провозглашения курса на коренизацию партийных и советских органов в республиках на XII съезде в апреле 1923 г. С этого времени применению национальных языков в общественной жизни стало придаваться принципиальное значение. Республиканское руководство не только поощряло, но и требовало использовать украинский язык в деловой сфере, создавать школы с украинским языком обучения, применять украинский язык в средствах массовой информации. В УССР был подписан ряд директивных решений, самыми известными среди которых являются два постановления, принятые в конце июля – начале августа 1923 г.: 27 июля – «О мерах в деле украинизации школь-

но-воспитательных и культурно-просветительных учреждений»[10], 1 августа – «О мерах обеспечения равноправия языков и о помощи развитию украинского языка»[11]. Высшие республиканские органы власти – ЦИК и СНК – признали недостаточным формальное равенство между украинским и русским языками: «Вследствие относительно слабого развития украинской школы и украинской культуры вообще, вследствие отсутствия необходимых учебных пособий, отсутствия достаточно подготовленного персонала, жизнь, как показал опыт, приводит к фактическому преобладанию русского языка»[12].

Республиканское руководство постановило предпринять меры по обеспечению равноправия языков всех национальностей и обеспечению украинскому языку места, «соответствующего числу и удельному весу украинского народа на территории УССР». Учитывая «преобладающую численность населения, говорящего на украинском языке», для официального общения был выбран украинский язык. Однако в административно-территориальных единицах и городах с большинством населения, которое принадлежит к национальным меньшинствам, органы власти должны были пользоваться языком большинства населения. Предполагалось перевести на украинский язык делопроизводство, ввести украинский язык в партийных школах, реорганизовать государственное издательство и т. п., а также привести в соответствие язык обучения в учебных заведениях с национальным составом населения и ввести обязательное обучение на родном языке учащихся всех учебных заведений, в том числе в пунктах ликвидации неграмотности[13].

Таким образом, вводились протекционистские меры в отношении языка «коренной национальности». Большие усилия были предприняты для овладения населения письменным украинским языком. Именно на украинском языке с середины 1920-х гг. преимущественно проводилась ликвидация неграмотности. Так, в 1925/1926 учебному году на Украине существовало 13 350 ликбезов на украинском языке (на русском таких ликбезов насчитывалось только 3312)[14]. В 1927 г. 78% всех ликбезов проводили обучение по-украински[15].

Была создана система обучения на украинском языке, причем особенно впечатляющие результаты были достигнуты в сфере украинизации начального образования. К 1930 г. на Украине насчитывалось украинских начальных школ 14 430 (русских всего 1504)[16]. В школах другого типа результаты не были столь яркими, однако, например, уже к 1925/1926 учебному году профшколы по языку обучения были на 51,9% украинскими и только на 27,6% – русскими[17].

Определенные успехи были достигнуты и в украинизации высшей школы. По состоянию на 1927 г. среди институтов было 14 украинских, 2 российских и 23 – двуязычных[18].

Одновременно росли тиражи периодических изданий и книжной продукции на украинском языке, причем особое внимание уделялось тиражированию произведений классиков марксизма-ленинизма. К 1928 г. на украинском языке выходило 58 газет, что составляло 68,8% от их общего количества в УССР[19]. Быстро росло количество книжной продукции на украинском языке. Если в 1927 г. она составляла 53,9%, то в 1931 г. – уже 76,9%[20].

Активно велась работа по кодификации литературных норм в области лексики и орфографии. В 1921 г. был открыт Институт украинского научного языка, работа которого была направлена на разработку научной терминологии. Велась работа и по унификации украинского правописания. С 1925 г. при украинском совнаркоме работала Государственная комиссия для разработки правил правописания украинского языка. С 25 мая по 6 июня 1927 г. была проведена так называемая Правописная конференция, предметом обсуждения которой стала единая система орфографии. По решению конференции для продолжения работы над украинским правописанием была создана специальная государственная правописная комиссия во главе с Н. А. Скрыпником. В сентябре 1928 г. правила украинского правописания были официально утверждены постановлением СНК УССР.

Разработанные комиссией нормы украинского правописания явились результатом компромисса между центральноукраинской и западноукраинской лингвистическими школами[21]. Наиболее острые споры велись вокруг вопроса об употреблении некоторых букв (*л* или *ль*, *г* или *ґ*) в словах иностранного происхождения. В конце концов было решено слова греческого происхождения передавать в украинском письме при помощи *л* и *г*, а слова из латыни и других европейских языков – *ль* и *ґ*[22]. В то же время западная диалектная база была признана равноправной составляющей при создании языкового стандарта[23], что подтверждается трудами лексикографов того времени. Много галицийских слов и выражений было включено и в Академический словарь – некоторые с пояснением их регионального употребления, некоторые – без пояснения. Галицийские слова и выражения были признаны нормальной составляющей литературного языка[24].

В то же время с началом политики коренизации стало больше внимания уделяться развитию языка и культуры национальных

меньшинств. В УССР были созданы национальные административные территориальные образования. На 1 апреля 1925 г. в УССР были организованы 98 немецких, 15 польских, 19 еврейских, 25 болгарских, 26 греческих, 5 чешских сельсоветов[25]. В течение 1924–1926 гг. появились пять немецких, два болгарских и один польский район[26]. Была организована сеть национальных учебных заведений. В 1924 г. существовали 629 школ для немецких, 499 для еврейских, 267 для польских, 43 для болгарских, 1 для греческих, 26 для татарских, 3 для армянских, 19 для чешских детей. В 1926/1927 учебном году в УССР работали 354 польские школы, 620 немецких, 369 еврейских, 74 болгарских, 16 чешских, 20 татарских, 2 ассирийских, 7 армянских, 17 молдавских, 15 греческих, 1 шведская[27]. В 1927 г. выпускались 56 журналов и 55 газет на русском, 3 журнала и 5 газет на еврейском, 3 журнала и 2 газеты на немецком, 2 журнала и 1 газета на польском, газета на молдавском и болгарском языках[28].

Однако больше всего усилий от республиканского руководства потребовали изменения в деятельности аппарата управления всех уровней, и прежде всего делопроизводство на украинском языке, а в национальных административных образованиях – на национальных языках. Именно эта сфера должна была служить «фасадом» украинизации, демонстрировать серьезность принятого курса национальной государственной политики. Однако служащие отнюдь не стремились охотно и в сроки выполнять принятые постановления. После назначения в 1925 г. на пост генерального секретаря украинской компартии Л. М. Кагановича украинизация стала первоочередной задачей советских и партийных органов: «И здесь вопрос стоит не только об украинском языке. Тут речь идет о подготовке украинцев, и от этого отказываться нельзя. Конечно, вся партия – и русский кадр, и, в первую очередь, старые большевики, старая гвардия – должна заняться изучением украинского языка, чтобы приблизиться к украинским массам. Но нужно подготовить украинских работников, которые, зная быт, психологию, были бы марксистски грамотны»[29].

16 июля 1925 г. Совнарком УССР принял постановление «О практических мерах по украинизации советского аппарата», согласно которому руководство украинизацией служащих возлагалось на Центральную всеукраинскую комиссию при Совнаркоме, а при всех учреждениях в центре и на местах образовывались специальные ведомственные комиссии, которые должны были проводить проверки знания украинского языка у сотрудников организаций и учреждений, организовать обучение украинскому языку на специальных

курсах и проводить аттестацию после их окончании. Выпускникам присваивалась одна из трех категорий в зависимости от знания украинского языка: «знающие язык и могущие свободно проводить работу в учреждениях», «нуждающиеся в усовершенствовании знаний», «не знающие языка»[30]. Центральную всеукраинскую комиссию возглавил председатель украинского Совнаркома В. Я. Чубарь.

23 сентября 1925 г. Совнарком УССР постановил провести и в центре, и на местах проверку знаний сотрудников украинского языка «для выявления достижений в деле изучения языка». Окружным исполнительным комитетам, народным комиссариатам, центральным учреждениям предлагалось уволить с должностей сотрудников, которые до настоящего времени не овладели украинским языком»[31]. 30 декабря 1925 г. Центральная всеукраинская комиссия по украинизации советского аппарата приняла решение провести несколько показательных увольнений тех служащих из третьей категории, кто враждебно относился к изучению украинского языка. Впрочем, 1 февраля 1926 г. комиссия решила ограничиться «условным увольнением» с должности служащих, не владеющих украинским языком, т. е. «условно оставить» их на службе[32].

Республиканское руководство настаивало на повсеместном ведении делопроизводства на украинском языке: отдельные исключения касались лишь административно-территориальных единиц, созданных по национальному признаку[33]. В ноябре 1925 г. ВУЦИК и СНК УССР утвердили временную инструкцию о языке сношений органов власти и делопроизводства в административно-территориальных единицах, созданных по национальному признаку. Эта инструкция фактически закрепляла приоритет украинского языка: все делопроизводство в районах должно было вестись на языке большинства населения; переписка национальных сельсоветов с районными органами – на украинском языке или языке большинства населения района; все документы публично-правового характера должны издаваться на украинском языке и языке большинства населения (только по желанию заявителя – также и на русском языке). Двумя языками – украинским и языком соответствующей национальности – изготовлялись печати и штампы. Все сотрудники органов власти в административно-территориальных единицах, созданных по национальному признаку, были обязаны владеть языком большинства населения и украинским языком. Правда, переписка с высшими органами власти могла вестись на украинском или русском языках, но с 1 января 1926 г. – только на украинском языке[34]. Однако на практике национальные ад-

министративно-территориальные единицы были слабо обеспечены работниками, владеющими языками национальных меньшинств, и, как отмечалось в партийных документах, делопроизводство велось в большинстве случаев не на языке национальных меньшинств[35].

Руководство УССР путем проведения украинизации стремилось превратить украинский язык в основное средство коммуникации в республике. Однако достичь этого было нелегко: устойчивые позиции русского языка и культуры, особенно в крупных промышленных центрах УССР, поставили вопрос о границах и методах коренизации, т. е., с одной стороны, насколько необходимо применять коренизацию в отношении ассимилированных слоев населения, а с другой – какие права должны быть у русского населения в связи с проведением коренизации в национальных республиках. Данные проблемы были подняты Ю. Лариным сначала на Третьем съезде Советов в мае 1925 г., а затем в апреле 1926 г. на второй сессии 3-го созыва ЦИК СССР[36], а в последнем номере «Большевика» за 1926 г. и в первом номере за 1927 г. была опубликована его статья «Об извращениях при проведении национальной политики (в порядке обсуждения)». Негодование Ларина вызывали примеры «зоологического русофобства» и «принудительной евреизации “не владеющих своим родным языком” евреев»[37]. Кроме того, Ларин настаивал, что «русские на Украине – нацменьшинство, и что к ним нужно подходить как к нацменьшинству, давая те же гарантии национальных прав и культуры, какие даются другим нацменьшинствам – немцам, полякам, евреям и т. д.»[38].

Заявления Ларина вызвали широкий резонанс. Фактически был поставлен вопрос о статусе русского населения в национальных республиках и положении русского языка в коммуникативной сфере. Украинское республиканское руководство вынуждено было четко выразить свое отношение к данным проблемам. 19 апреля 1927 г. было опубликовано постановление ЦК КП(б)У «Об итогах украинизации». С одной стороны, партийное руководство УССР настаивало на «дальнейшем решительном и твердом проведении украинизации», а русское население было причислено к национальным меньшинствам. С другой стороны, за русским языком признавалось «особое значение по сравнению с языками прочих нацменьшинств на Украине», что подразумевало обязательное преподавание русского языка в школах, обязательную публикацию правительственных распоряжений, наряду с украинским, также и на русском языке. В то же время во всех административных территориальных единицах,

выделенных по национально-территориальному принципу, работу необходимо было вести на языке национальности, которая составляет в этих административно-территориальных единицах большинство[39]. Одновременно было признано нецелесообразным выделять в отдельные административно-территориальные единицы города (ведь в таком случае городом с русским горсоветом мог стать, например, Харьков), дабы не разрывать культурную связь между рабочим классом и крестьянством. Партийное руководство УССР рассчитывало, что «динамика социального развития неминуемо ведет к их украинизации по примеру аналогичного процесса изменения национального характера города в соответствии с национальным складом большинства населения страны в Чехии, Венгрии, Латвии и других странах»[40].

Вскоре вышел закон, определивший области применения языков: 6 июля 1927 г. ВУЦИК и СНК УССР одобрили постановление «Об обеспечении равноправия языков и о содействии развитию украинской культуры». Вновь подчеркивалось, что языки всех национальностей, населяющих УССР, являются равноправными. Официальным языком был признан украинский, а в национально-территориальных административных единицах языком официального общения считался язык преобладающей там национальности. Во всех государственных учреждениях, предприятиях и организациях, как республиканского и местного, так и общесоюзного значения, на территории УССР, за исключением тех, которые обслуживают потребности национальных меньшинств, внутреннее делопроизводство и счетоводство должно было проводиться на украинском языке. В национально-территориальных административных единицах государственные органы должны были использовать для официального общения язык местного национального большинства, а все служащие обязаны владеть языком местного национального большинства, а также украинским языком. Все делопроизводство следовало вести на языке местного национального большинства, а если в состав района, выделенного в национально-территориальную административную единицу, входили поселки с другим составом населения, то в переписке районных исполкомов с ними следовало использовать или местный язык, или украинский. В постановлении особо оговаривалось, что внутри национальных образований переписка должна вестись на языке большинства населения или на украинском, и только в исключительных случаях (по соответствующему указанию ОИК) – и на других языках, в том числе русском. Языком переписки нацио-

нально-территориальных единиц с районными органами и с органами власти других национальных образований должен быть язык той или иной национальности или украинский. Русский язык допускался в отдельных случаях по соответствующим указаниям ОИК. Переписку национальных районов с округом следовало также вести на языке района или по-украински (тут уже отсутствовало примечание о возможности использовать русский язык). При этом подчеркивалась необходимость «твердого и решительного проведения украинизации» в рамках перевода работы на украинский язык всех учреждений на территории Украины, за исключением районов нацменьшинств, и, следовательно, «обязательного знания украинского языка (как языка большинства населения) всеми служащими»[41].

Таким образом, в период активного проведения украинизации в середине – второй половине 1920-х гг. отчетливо проявилось намерение властей Украинской ССР приучить неукраинцев (национальные меньшинства) использовать, помимо родного языка, язык украинский (но не русский). Сложившаяся система была скорректирована во второй половине 1930-х гг. В. М. Алпатов совершенно справедливо подчеркивает: «Курс двух первых послереволюционных десятилетий, направленный на удовлетворение потребности идентичности всех народов, при всей своей привлекательности и гуманности противоречил объективной ситуации. На том уровне развития, на котором тогда находился СССР, потребность взаимопонимания была главной»[42]. Обеспечить такое взаимопонимание мог только русский язык как «язык межнационального общения». Развернувшаяся централизация и унификация культурного строительства отвечала сразу нескольким задачам центрального руководства. С одной стороны, сталинское руководство путем регулирования коренизации стремилось продемонстрировать нарождающейся национальной советской элите, что интересы страны требуют жесткой вертикали власти и добросовестных исполнителей. С другой стороны, советское руководство ощущало необходимость внесения изменений в существующую систему обеспечения прав национальных меньшинств. Выросшая социальная мобильность населения требовала хорошего знания русского языка от желающих получить образование в центральных вузах страны и продолжить карьеру не только в рамках своей республики, но всего Советского Союза. Учитывался и внешнеполитический фактор: высшее руководство опасалось, что национальные меньшинства (особенно немцы и поляки) могут использоваться иностранными правительствами против СССР.

Не удивительно, что корректировка коренизации (и в ее рамках – языковой политики) сопровождалась борьбой с «украинским буржуазным национализмом». Как было заявлено на ноябрьском пленуме ЦК КП(б)У 1933 г., «контрреволюционные элементы… пользуясь флагом украинизации, осуществляли буржуазно-националистические методы взаимного отчуждения трудящихся различных наций и разжигания национальной вражды»[43]. Это вело к ослаблению «хозяйственных, государственных и культурных связей Украины с другими советскими республиками», к отрыву украинского языка от русского, что проявлялось в замене «сходных с русскими слов в украинском языке польскими, чешскими, немецкими»[44].

Знаковым событием начавшихся перемен стали изменения на «украинском языковедческом фронте». В апреле 1933 г. при Наркомпросе начала работу специальная Комиссия для проверки работы в области языковедения. Были раскритикованы «националистические теории самобытности развития украинского языка, пропаганда отрыва его от общего процесса языкового строительства в СССР»[45]. По мнению комиссии, на практике это выразилось во вредительстве при составлении словарей, когда общеупотребительные и уже усвоенные термины заменялись искусственно созданными, убирались общие с русским языком лексические и синтаксические нормы, а в научную и учебную литературу проникали националистические взгляды на язык, национализм пропагандировался через иллюстративный материал[46]. Комиссия Наркомпроса постановила пересмотреть словари и исправить допущенные в них ошибки, пересмотреть научную и учебную литературу, скорректировать украинское правописание «в части правописания иностранных слов в части большей конкретизации пунктов об употреблении “ґ”, “ль”, “л”»[47]. Результатом работы комиссии стал «Український правопис» 1933 г.: комиссия переработала правила правописания 1928 г., внесла изменения в орфографию иностранных слов, исключила из украинского алфавита букву «ґ» и внесла правку в другие параграфы. Эта редакция правописания была одобрена 5 сентября 1933 г.[48]

Искоренение «националистической контрреволюции» повлияло и на жизнь национальных меньшинств республики. Процесс переселения немцев и поляков, проживавших на Украине, сопровождался ликвидацией ряда национальных районов, созданных в 1920-е гг. Первые постановления по этому вопросу Политбюро ЦК КП(б)У приняло еще в ноябре 1934 г. Тогда речь шла лишь о «реорганизации 18 польских сельсоветов в украинские» в Винницкой области[49]. Про-

цесс реорганизации вошел в завершающую стадию в конце 1937 г., когда Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление «О ликвидации национальных районов и сельсоветов», в котором говорилось, что в ряде областей и краев были искусственно созданы различные национальные районы и сельсоветы (немецкие, финские, корейские, болгарские и пр.), «существование которых не оправдывается национальным составом их населения». Было решено реорганизовать подобные районы в обычные районы и сельсоветы[50]. В результате украинское республиканское руководство приняло решение ликвидировать в Одесской области три немецких района и один болгарский; в Николаевской области – немецкий район, в Днепропетровской области – три немецких района и один болгарский, в Донецкой области – греческий район[51].

Особое внимание стало уделяться преподаванию русского языка в школах. 28 апреля 1934 г. Политбюро ЦК ВКП(б) рассматривало вопрос о преподавании русского языка в начальной и средней школе. На заседании была отмечена неудовлетворительная грамотность учащихся по русскому языку: «В письме учащихся много орфографических ошибок, мало внимания обращается на выработку у детей четкого и красивого почерка, слабо развита у учащихся культурная литературная речь»[52].

Вопрос стал особенно острым с осени 1937 г. в связи с готовившимся переходом к комплектованию армии на основе всеобщей воинской повинности и отказом от организационного построения РККА по территориально-милицейскому принципу. Выступая на пленуме ЦК ВКП(б) 12 октября 1937 г., Сталин объяснил причину такого внимания к преподаванию русского языка: «Но мы стали перед вопросом о том, что призываемые в армию, например, в Узбекистане, в Казахстане, в Армении, в Грузии, в Азербайджане, не владеют русским языком»[53]. Именно изменением в законе о военной службе генеральный секретарь объяснял необходимость уделить особое внимание знанию русского языка всеми гражданами страны Советов.

Началась реорганизация системы школ для национальных меньшинств, в адрес которых (немецких, финских, польских, латышских, эстонских и др.) звучали упреки в «буржуазно-националистическом влиянии на детей», подкрепленные замечаниями о сложностях с получением дальнейшего образования. Последнее не было лишено смысла: действительно, выпускники национальных школ плохо знали русский язык, и поэтому их возможности дальнейшего получе-

ния образования в центральных вузах были весьма ограниченными. Преемственности в просвещении на национальном языке не было: в начале 1930-х гг. реально действовали начальные школы, профессиональные и высшие учебные заведения, которые не были связаны между собой промежуточной ступенью – семилетками и десятилетками. То есть дети в начальной школе начинали обучаться на национальном языке, в семилетке учились на украинском или русском. Желающие продолжить обучение сталкивались с тем, что уровень их подготовки не отвечает требованиям высшего или специального учебного заведения[54]. К тому же школы нацменьшинств страдали от недостатка кадров, учебной литературы. Возможности выбора были также довольно ограниченными, поскольку уровень подготовки учащихся зачастую позволял претендовать только на место в учебном заведении, ориентированном на набор студентов определенной национальности. Для нацменьшинств существовали педагогические и сельскохозяйственные учебные заведения, что сужало возможности их профессиональной ориентации[55].

Вообще в УССР в системе школьного образования ситуация к весне 1938 г. складывалась следующим образом. К заседанию Политбюро ЦК КП(б)У 10 апреля 1938 г., когда рассматривался вопрос о реорганизации национальных школ, была подготовлена справка наркомата просвещения Украины о национальных школах. Согласно этому документу, на Украине имелась 21 656 школ, в которых обучалось 5 143 783 учащихся. Преподавание велось на 21 языке. С преподаванием на украинском языке имелась 18 101 школа, на русском – 1550 школ, еврейском – 312, молдавском – 163, узбекском – 19, белорусском – 9, болгарском – 54, польском – 50, немецком – 512, чешском – 14, греко-эллинском – 12, греко-татарском – 8, татарском – 5, армянском – 4, туркменском – 2, киргизском – 1, шведском – 1, казахском – 1. Кроме того, имелось 838 «смешанных» школ, преподавание в которых велось на нескольких языках – «украинско-еврейско-немецком, немецко-польско-русском, украинско-русско-болгарском» и т. д.[56] В документе подчеркивалось, что «большинство школ с польским, немецким, болгарским и др. языками преподавания не имеют достаточных контингентов детей». Например, в чешской школе в Киеве было 3 класса и в них – 19 учащихся. В неполной средней польской школе Хмелевского района к началу текущего учебного года в 5, 6 и 7 классах осталось всего по 3 учащихся[57]. Причиной такого положения руководство Наркомпроса считало то, что «национальные школы насаждались искусственно, дети, учащиеся в них, совер-

шенно не знают языка, на котором ведется преподавание»[58]. Помимо случаев «принуждения украинского и русского населения посылать своих детей в польские, чешские и другие национальные школы», Наркомпрос указывал и на плохую обеспеченность национальных школ учителями, учебниками, программами и наглядными пособиями, в результате чего «дети этих школ не приобретают достаточных знаний основ науки и не вполне подготовляются для поступления в средние и высшие учебные заведения»[59].

В этой ситуации советское руководство расценило курс на изменение системы преподавания как единственно приемлемый. Как заметила Д. А. Аманжолова: «Дилемма – продолжать поддержку многочисленных языков с малым числом их носителей и ограниченной сферой употребления или расширять обучение русскому, обеспечивающему интеграцию людей и экономик регионов, межкультурное общение, – была решена в пользу скреплявшего единое государство языка»[60]. Так, в Украинской ССР 766 начальных, неполных и средних школ для национальных меньшинств были преобразованы в школы с украинским или русским языком обучения, а 122 национальные школы были объединены с украинскими и русскими[61].

13 марта 1938 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей», в котором подчеркивалось, что необходимость преподавания русского языка в школах национальных республик и областей диктуется тремя основными мотивами. Прежде всего, «в условиях многонационального государства, каковым является СССР, знание русского языка должно явиться мощным средством связи и общения между народами СССР, способствующим их дальнейшему хозяйственному и культурному росту». Кроме того, «овладение русским языком способствует дальнейшему усовершенствованию национальных кадров в области научных и технических познаний». Наконец, «знание русского языка обеспечивает необходимые условия для успешного несения всеми гражданами СССР воинской службы в рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота». Обучение русскому языку в начальной школе должно было вестись со 2-го класса, а в неполных средних и средних школах – с 3-го[62]. В итоге изменилась организация обучения русскому языку. До постановления 1938 г. русский язык в школах с украинским языком обучения начинали изучать с 3-го класса. В начальных национальных школах с 3-го класса изучался украинский язык, а русский – только с 5-го[63].

Наконец, в конце 1930-х гг. произошли изменения и в сфере периодической печати. 30 октября 1937 г. в ЦК ВКП(б) поступила докладная записка от заведующего отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Л. З. Мехлиса, называвшаяся «О русских газетах на Украине». «Ни в одной союзной и автономной республике русская печать не находится в таком захудалом состоянии, как на Украине»[64], – утверждал Мехлис. Он был возмущен тем, что «в Киеве издаются газеты на немецком, польском, еврейском, болгарском языках», тогда как газет на русском языке явно недостаточно[65].

Действительно, процент украиноязычной прессы на Украине был довольно высоким: в 1932 г. 79,7% всех журналов выходили на украинском языке, затем последовало снижение количества украиноязычной прессы до 56,1% в 1935 г., а в 1936 г. процент украиноязычных журналов вновь увеличился – до 62%. По решению ЦК КП(б)У от 10 мая 1937 г. республиканские украиноязычные журналы должны были составить 80% от общего числа названий[66].

Центральное партийное руководство обратило внимание на записку Мехлиса и 17 декабря 1937 г. постановило «осудить продолжающееся игнорирование русской печати на Украине» и «организовать руководящие газеты на русском языке»[67]. 13 июня 1938 г. новый глава коммунистов Украины Н. С. Хрущев с гордостью докладывал XIV съезду КП(б)У: «Украинских газет у нас 885, русских – 304, молдавских – 8, еврейских – 7 и ряд других». Как заявил Никита Сергеевич, «когда на Украине по решению ЦК ВКП(б) вышла русская газета “Советская Украина”, ее приветствовало все население УССР. Моментально был заполнен подписчиками весь тираж, и сейчас его не хватает»[68].

Таким образом, языковая политика в рамках коренизации была ориентирована на развитие национальных языков и национальной культуры в рамках национальных территориальных образований различного уровня, от республики до сельсовета. Советская власть фактически взяла курс на внедрение двух и более языков в речевую практику населения национальных республик – каждый гражданин страны, помимо родного языка, должен был овладеть и языком «коренного населения» национальной республики, и русским языком как языком общения между представителями различных наций.

Полиэтничный характер страны Советов в сочетании с социальной мобильностью населения требовал не только обеспечить языковые права наций, но и регламентировать положение общего для всех русского языка, прежде всего путем обеспечения его изучения

во всех учебных заведениях страны. Если в 1920-е гг. основное внимание уделялось национальным языкам и внедрению их в систему образования, культурно-просветительную работу, печатные издания, делопроизводство и т. п., то в 1930-е гг. акцент сместился – был взят курс на повышение роли русского языка. Началась борьба с «националистическими проявлениями» как среди «представителей коренной национальности», так и национальных меньшинств. В результате административной реорганизации часть национальных территориальных образований была упразднена, была реорганизована и система школ для национальных меньшинств. Однако говорить о полной русификации 1930-х гг. в УССР не приходится: если программа коренизации в отношении национальных меньшинств была переформатирована, то программа украинизации продолжала действовать и в области обучения, и в области издания литературы, и в кадровой сфере, хотя и подверглась корректировке.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С. 41.

2 *Міронова І. С.* Мовна політика в навчальних закладах національних меншин півдня України в 1920–30-ті рр. // Наукові праці Чорноморського державного університету імені Петра Могили. Історія. Миколаїв, 2016. Т. 274. Вип. 262. С. 25.

3 Там же. С. 29.

4 *Алпатов В. М.* Русская латиница Н. Ф. Яковлева // Научный диалог. 2015. № 3 (39). С. 10.

5 До історії міжнаціональних процесів на Україні // Український історичний журнал. 1990. № 6. С. 110.

6 Восьмая Всероссийская конференция РКП(б). Москва. 2–4 декабря 1919 г. Резолюция о советской власти на Украине // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. 1898–1924. М., 1954. С. 459.

7 До історії міжнаціональних процесів на Україні. С. 110, 112.

8 Рукописный вариант статьи сохранился в архиве: ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2255. Л. 11.

9 Там же.

10 Про заходи у справі українізації шкільно-виховних і культурно-освітніх установ // Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-

селянського уряду України за 1923 рік. Харків, 1923. Від. 1. № 29. Арт. 430.

11 Про заходи забезпечення рівноправ'я мов і про допомогу розвитку української мови // Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України за 1923 рік. Харків, 1923. Від. 1. № 29. Арт. 435. См. также: Культурне будівництво в Українській РСР. Важливі рішення Комуністичної партії і Радянського Уряду 1917–1959 рр.: Зб. докум.: В 2 т. Київ, 1959. Т. 1. С. 242–243.

12 Там же.

13 Там же.

14 «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003. С. 105.

15 *Кравченко Б.* Соціальні зміни і національна свідомість в Україні XX с. Київ, 1997. С. 175.

16 См.: «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 89.

17 Там же. С. 91.

18 Там же. С. 102.

19 Там же. С. 140.

20 Там же. С. 145.

21 «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 130–131.

22 *Шевельов Ю.* Україньска мова в першій половині XX століття (1900–1941). Стан і статус. Чернівці, 1998. С. 106.

23 На путях становления украинской и белорусской наций: факторы, механизмы, соотнесения. М., 2004. С. 213.

24 *Шевельов Ю.* Україньска мова в першій половині XX століття. С. 108.

25 Материалы к докладу правительства Украины на второй сессии Центрального Исполнительного Комитета СССР третьего созыва. Харьков, 1926. С. 193.

26 *Якубова Л.* Етнічні меншини в суспільно-політичному та культурному житті УСРР. 20-і – перша половина 30-х р. XX ст. Київ, 2006. С. 207.

27 *Якубова Л. Д.* Національно-культурне життя етнічних меншостей України (20–30-ті роки): коренізація і денаціоналізація // Український історичний журнал. 1998. № 6. С. 28.

28 Там же. С. 29.

29 ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 160. Л. 71.

30 Про практичні заходи по українізації радянського апарату // Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України за 1925 рік. Харків, 1925. Від. 1. № 56. Арт. 332.

31 Центральный государственный архив высших органов власти Украины (ЦГАВОВУ). Ф. 1. Оп. 3. Д. 182. Л. 26.

32 «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 83.

33 См.: *Борисенок Е. Ю.* «Перевести делопроизводство на родной язык…» Избранные места из переписки в период активного проведения украинизации // Родина. 2014. № 1. С. 117–120.

34 Національні процеси в Україні: історія і сучасність. Документи і матеріали : довідник : у 2-х ч. Київ, 1997. Ч. 2. С. 59–60.

35 *Рябошапко Л.* Правове становище національних меншин в Україні (1917–2000). Львів, 2001. С. 104.

36 См.: *Борисенок Е. Ю.* Пять портретов товарища Рыкова // Родина. 2012. № 7. С. 124–129.

37 *Ларин Ю.* Об извращениях при проведении национальной политики (в порядке обсуждения) // Большевик. 1926. № 23–24. С. 53.

38 Вторая сессия ЦИК СССР Третьего созыва. Стенографический отчет. М., 1926. С. 467.

39 Резолюція ЦК КП(б)У про підсумки українізації // Вісті ВУЦВК. 1927 р., 19 квітня.

40 Там же.

41 Про забезпечення рівноправності мов та про сприяння розвитку української культури // Хронологічне зібрання законів, указів Президії Верховної Ради, постанов і розпоряджень уряду Української РСР. Київ, 1963. Т. 1. 1917–1941. С. 318–325.

42 *Алпатов В. М.* 130 языков и политика: 1917–2000. М., 2000. С. 100.

43 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 26. Д. 67. Л. 26 об.

44 Там же. Л. 28.

45 Резолюція Комісії НКО в справі перевірки роботи на мовному фронті на доповідь тов. Хвилі «Націоналістична небезпека на мовному фронті й боротьба проти неї» (26 квітня 1933 р.) // Українська мова у ХХ сторіччі: історія лінгвоциду. Документи і матеріали. Київ, 2005. С. 141.

46 Там же.

47 Там же. С. 142.

48 Там же. С. 108.

49 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4674. Л. 54.

50 Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О ликвидации национальных районов и сельсоветов». 17 декабря 1937 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. М., 2009. Кн. 2: 1933–1945. С. 314.

51 Постановление Политбюро ЦК КП(б)У «О реорганизации национальных районов и сельсоветов УССР в обычные районы и сельсоветы». 16 февраля 1938 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945. С. 378–379.

52 Записка А. Бубнова И. Сталину. 28 апреля 1934 г. // Историю – в школу: создание первых советских учебников. М., 2008. С. 44.

53 Из стенограммы выступления Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) о преподавании русского языка в школах 12 октября 1937 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. С. 298.

54 *Якубова Л.* Етнічні меншини в суспільно-політичному та культурному житті УСРР. 20-і – перша половина 30-х рр. ХХ ст. С. 417.

55 Там же. С. 418.

56 Довідка наркомату освіти України про національні школи в Україні. Березень 1938 р. // Національні процеси в Україні: історія і сучасність. Документи і матеріали. Ч. 2. С. 252.

57 Там же.

58 Там же. С. 252–253.

59 Там же. С. 253.

60 *Аманжолова Д. А.* Советская этнополитика (1929–1941 гг.) // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. М., 2012. С. 219.

61 *Якубова Л. Д.* Національно-культурне життя етнічних меншостей України (20–30-ті роки): коренізація і денаціоналізація // Український історичний журнал. 1999. № 1. С. 52.

62 Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». 13 марта 1938 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945. С. 391–392.

63 *Єфіменко Г. Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). С. 164–164; *Шевченко С. М.* Організація навчального процесу у школах національних меншин у УРСР (кінець 30-х – 40-і рр. ХХ ст.) // Новое в науке: материалы ХХХ Международной научно-практической конференции по философским, филологическим, юридическим, педагогическим, экономическим, психологическим, социологическим и политическим наукам (Украина, г. Горловка, 21–22 февраля 2013 г.). Горловка, 2013. С. 77–78.

64 Докладная записка заведующего отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Л. З. Мехлиса секретарям ЦК ВКП(б) И. В. Сталину, Л. М. Кагановичу, А. А. Андрееву, А. А. Жданову и Н. И. Ежову «О русских газетах на Украине» 30 октября 1937 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945. С. 306.

65 Там же. С. 307.

66 *Єфіменко Г.* Національна політика ЦК ВКП(б) у засобах масової інформації УРСР (1932–1938) // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. Київ, 2000. № 5. С. 192.

67 Докладная записка заведующего отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Л. З. Мехлиса… С. 307.

68 Из отчетного доклада первого секретаря ЦК КП(б)У Н. С. Хрущева XIV съезду КП(б)У // Политическое руководство Украины. 1938–1939 гг. М., 2006. С. 44.

Je. Ju. Borisenok

The language politics of Ukrainian Soviet Socialist Republic and korenization

The article dwells upon the language aspect of korenization (“nativization”, lit. ‘putting down roots’) in Soviet Ukraine, the main trends and the peculiarities in its development in 1920–1930s.

Keywords: *Ukrainian Soviet Socialist Repbulic*, *national politics*, *korenization*, *language.*